

РАЗОЧАРОВАНИЕ НА ФИНИШЕ

ЗОЯ ИВАНОВНА огорчена. Ещё бы! Носишься с ними, не считаешь со временем, всю себя отдаёшь, ночами не спишь, размышляешь, что бы им ещё придумать, а они...

Правда, есть у Зои Ивановны, классного руководителя седьмого класса, отдушина — пяток активных ребят. Её вера, надежда и опора. Эти не подведут, этим что ни скажи — выполнят точно и в срок.

Вот готовились к сбору «В мире интересного». Зоя Ивановна подобрала в своей большой личной библиотеке материал, переписала текст на листочки, распределила: Андрею, ещё одному Андрею, Герману и Павлику. Тем самым — надёжным. Мальчики хорошо подготовились. Сбор прошёл на «ура». Около одного из пунктов плана появилась галочка — выполнено. Эта галочка не первая и мероприятия в копилке отряда — тоже. Недаром же за активную работу отряд третий год носит звание правофлангового. Правда, справедливее было бы говорить не отряд, а... Андрей, ещё один Андрей, Герман и Павлик. Вот они — правофланговые, ничего не скажешь.

В пятом классе Андрей Бирюков был председателем, сейчас, в седьмом, — тоже. В шестом председателем был Герман Цветков, а Андрей, как сам объяснил, «взял на годик отпуск». Ничего удивительного — когда троём — вчетвером работаешь за весь отряд, в котором тридцать восемь человек, не мудрено и устать. Плюс к «отпуску» Андрей получил ещё и путёвку в «Артек». Тоже, считаю, заслуженную. Герман, однако, как председатель оказался не очень и, попредседательствовал год, вернулся к своим обычным и привычным обязанностям — читать стихи на сборах и линейках. А отдохнувший Андрей вновь встал во главе отряда.

— Ну, кого же ещё выбирать?! — обратились ко мне ребята.

Я пожал плечами, так как действительно не знал, кого. — Вот именно! Только его!

Андрей работает не по принуждению. С удовольствием. Выполняет своё главное поручение, да и от мелких не отказывается — и политинформацию проведёт, и стихи на сборе прочтает, и даже сыграет партизана в сценке перед всей школой. Всё у Андрея получается.

Ещё один из этой безотказной группы — Павлик Короба. У него поручение, прямо скажу, не из лёгких — отвечает за дисциплину. И отвечает за неё самоотверженно, если хотите, с риском для здоровья.

— Да что там говорить?! У нас даже классной комнаты не было. Никто из учителей не хотел рисковать своим кабинетом. Мы то стул сломаем, то окно разобьём, то стенд повалим, — признался ответственный.

ОТ РЕДАКЦИИ.

КТО ЖЕ ХОЗЯИН В ЭТОМ ОТРЯДЕ? ДА И БЫЛ ЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ ОТРЯД? С ЧЕМ ОНИ ПРИШЛИ К СВОЕМУ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТИЮ? ЧЕМУ НАУЧИЛИСЬ В ОРГАНИЗАЦИИ? КЕМ СТАЛИ? НЕТ, НЕ ПОЗДНО ОБ ЭТОМ ЗАДУМАТЬСЯ И СЕЙЧАС.

рискуя оказаться в эпицентре всеобщей свалки и никогда из неё не выбраться, наводит, как может, порядок, спасает стулья, окна и стелды, а заодно и репутацию отряда.

Я ещё ничего не сказал о девочках, а их в отряде абсолютное большинство. И живёт это большинство под командованием Алисы Гарибян своей жизнью. Но не стоит путать жизнь абсолютного большинства с жизнью отряда. Это разные вещи. Тесно сбившись в шепчущую кучку, девочки сверху вниз поглядывают на абсолютное мальчишеское меньшинство. По их мнению, мальчишки и ростом не вышли, да и интересы их недалеко от детсадовских ушли. Нет, войны между ними не бывает. Есть взаимное отчуждение. Однако девочки всё же выделили в совет отряда своего человека — Свету Лаврик, она староста и правая рука Зои Ивановны, так как исполнительная и почерк имеет хороший.

Нельзя сказать, что безотказная группа мальчиков не пыталась расширить свой состав. Пыталась. Привлекала.

С Витей Павловым получилось: — Ты же спортом серьёзно занимаешься, давай физоргом?

Польщённый, Витя согласился. Но радовались преждевременно. Физорг даже на Всесоюзный день бегуна не пришёл. Единственный из отряда.

А были и добровольные попытки «привлечься». Както Коля Колчак, мальчик тихий и застенчивый, поборов свою застенчивость, попросил:

— Дайте и мне стихи учить.

Зоя Ивановна недоверчиво посмотрела на него, но всё же пообещала:

— В следующий раз обязательно. Колчак терпеливо ждёт. До сих пор.

Андрей Бирюков, кстати, совершенно неожиданно вслух высказал то, о чём я подумал, узнав историю Колчака.

— Ну, пусть он и плохо читает, но ему же скучно только всё время слушать. И остальным тоже.

Всё понимает председатель Бирюков. Но стихи-то распределяет не он. И вообще тут председатель не тот, кто руководит, а кто лучше всех выполняет.

Андрей, ещё один Андрей, Герман и Павлик не отчаиваются. Они любят и будут работать — надо же держать марку правофлангового отряда. А остальные будут в этом правофланговом отряде числиться. И только. Скучно просто числиться? Да. Но удобно — не хлопотно. А как же активность, инициатива, самостоятельность? Ведь седьмой класс, старшие пионеры.

Никак. Три года в организации — и ни одного, ни другого, ни третьего.

А. ДОНСКОЙ. (Наш специальный корреспондент). Калининградская область, Полесская средняя школа.

ЕСЛИ бы одноклассники Генки Чернышёва не присвоили ему титул короля шпаргалок, возможно, жизнь его сложилась бы иначе. Была у Чернышёва одна особенность: когда он что-то запоминал, обязательно записывал самое главное — на линейках, на промашках, на обложках тетрадей. Однажды Генка воспользовался своими шифрами на контрольной работе и понял, что это ему удобно: не нужно напрягать память.

Неприятность случилась на вступительном экзамене в университет. От волнения Гена никак не мог вспомнить формулу для производных тригонометрических функций. Он запустил руку в волосы, напрягся, а рукав спустился и открыл столбцы букв и цифр, написанных прямо на руке. Из задумчивости Чернышёва вывел экзаменатор. Из задумчивости и из аудитории...

А теперь я хочу сказать, что мне жаль Чернышёва. Человек он смыслённый и не ленивый. Домашние задания всегда выполнял. Но за несколько лет в нём выработался рефлекс — если он шёл на контрольную или на экзамен без шпаргалки, то чувствовал себя неуверенно. И задачи, которые с лёгкостью решал дома, начинали казаться непонятными.

Случай этот, безусловно, исключительный. Ведь шпаргалками чаще всего пользуются именно те, кто ленится учить уроки, кто не даёт себе труда готовиться к контрольным.

— Даёшь списать! — говорит бездельник трудолюбивому ученику.

И трудолюбивый ученик покорно достаёт тетрадку с домашним заданием. Ему неприятно, но отказать неловко. Почему неловко? Почему удобнее ставить себя в положение раба, безропотно подчиняющегося ленивому барину? И разве не барские замашки — пользо-

«ВОЛШЕБНЫЙ СВИТОК» КОРОЛЯ ШПАРГАЛОК

ваться результатами чужого труда?

Бывает и так: ты мне — шпаргалку, я тебе — новенький перочинный ножик. Сделка совершается на глазах у всех. Никто не возмущён. Одни люди совершают противозаконный поступок, другие делают вид, что ничего не видят.

Народная мудрость гласит: «Посеешь поступок — пожнёшь привычку, посеешь привычку — пожнёшь характер, посеешь характер — пожнёшь судьбу».

— Не стоит преувеличивать! — сказал мне мой сосед, шестиклассник Игорь, когда я начал с ним разговор о том, к чему может привести безбидная шпаргалка.

А мне кажется, что нужно иногда всё преувеличить, сгустить тёмные краски именно для того, чтобы увидеть, какая судьба может вырасти из пустякового поступка. Может быть, шес-

тиклассник Генка Чернышёв не поверил бы мне, если бы я ему нарисовал мрачную картину — вот ты раз и другой сделал поблажку своей памяти во время контрольной, а потом твоя память в решительные минуты откажется тебе помогать.

Когда жизнь сталкивает меня со спекулянтом, я думаю: не менял ли он в школе шпаргалку на перочинный ножик? Ведь не родился же он спекулянтом!

Давайте подведём итог разговора. Шпаргалка прикрывается помощницей человека. На самом же деле она его враг. Выручив один раз на контрольной работе, шпаргалка способствует развитию дурных привычек, придуляет память.

Значит, для ученика шпаргалка — настоящий вредитель.

А для коллектива? Подумайте сами: что происходит в ваших отношениях с одноклассниками, когда вы списываете? Когда даёте списывать? Когда делаете вид, что не замечаете, как списывают? Я уверен, что нет ни одного ученика, который относился бы равнодушно к этим вопросам.

В. ДОРОФЕЕВ, психолог, г. Новосибирск.

Когда завонит будильник

Будильник зазвонил ровно в шесть тридцать. Минута — и мой сосед Серёжа Борбачев во дворе. Прохладный осенний ветерок мигом прогнал сон. Привычная пробежка вокруг своего дома. Дворник дядя Серафим перестаёт мести дорожку, сочувственно головой качает:

— И кто его в такую рань поднимает?

Дядя Серафим встаёт ещё раньше — у него такая работа. А Серёжу никто не заставляет вставать так рано. Спортивный час он сам себе назначил: тут и бег, и гимнастика, и подтягивание. В своём шестом «Б» Серёжа Борбачев — физорг. По физкультуре у него всегда пятёрки, а вот на стадионе, когда сдавали нормы ГТО, оказалось, что пятёрки эти далеко не самый

высокий показатель Серёжиных спортивных успехов. Так по крайней мере считает мой colega по соседней школе — учитель физкультуры Константин Михайлович.

...Прыгали ребята в высоту. Легко взял планку в метр пять Тима Дмитриев. А физорг одолел её со второй попытки, и то «ножницами». Учитель физкультуры сказал: «Метр пятнадцать можешь взять...»

Потом бегали на тридцать метров. Дмитриев пробежал за 4,04 секунды, и только на 0,1 секунды приотстал от него физорг.

— Быстрее можешь бегать, — снова сказал Серёже учитель. То же вышло и на перекладине. Двенадцать раз подтянулся Тима. А физорг лишь до одиннадцати дотянул... Как видите, во всём «чуть-чуть».

— Тебе эти «чуть-чуть» на пользу, они твоя пружинка, — говорит Константин Михайлович Серёже.

Не злитесь Сергей на своего соперника, хотя и не даёт ему покоя эта самая «пружинка».

А может, будильник Тимы Дмитриева звонит чуть-чуть пораньше?

Б. ЯЩЕНКО, учитель физкультуры, г. Красноярск, посёлок Черёмушки.

ПОДАРОК... МАМЕ

Отец сказал Славе: «Завтра у мамы день рождения. Не забудь её поздравить...»

Утром, быстро одевшись, Слава выбежал на улицу и скоро вернулся...

Отец развернул пакет и накинул маме на плечи большой белый платок с красными цветами: «Поздравляю тебя!»

А Слава бросился за дверь и принёс... ушастого щенка. Того самого, который прибился к их двору и второй месяц жил в соседнем сарайчике.

«Мама! Вот. Я дарю тебе его! Он хороший!»

Мать измѣленно смотрела на «подарок». Отец молчал.

Слава постоял немного, прижимая щенка к себе, а потом протянул его маме: «Возьми, пожалуйста, он твой...»

Отец рассмеялся, а на лице мамы появилась улыбка.

«Ну что ж, спасибо, сынок, — вздохнула она. — Налей воды в таз. Будем купать твой подарок!»

М. САВЧЕНКО.

1982-1900 (N 89)

Известно, с каким увлечением ребята читают фантастику. Могут назвать немало произведений, написанных в этом жанре и советскими, и зарубежными писателями. Хорошо знают в нашей стране произведения прогрессивного американского писателя Рэя Брэдбери. В издательстве «Молодая гвардия» выходит его книга «ПЕРЕДАЙ ДОБРО ПО КРУГУ», адресованная юным читателям. В книге напечатаны рассказы Рэя Брэдбери и его повесть «Вино из одуванчиков». Есть здесь интересная статья о жизни и творчестве писателя, его выступлениях против войны и реакции, в защиту идеалов мира и гуманности. В своём выступлении к книге дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт Алексей Леонов говорит о том, что близко нам в творчестве писателя. Это мечта о полётах в космос, о мирном освоении Вселенной, вера в духовные, нравственные силы человека, забота о детях, о юном поколении, которая находит яркое отражение на страницах книги «Передай добро по кругу». Сегодня мы печатаем с сокращениями один из рассказов, вошедших в сборник.

Рэй БРЭДБЕРИ

Всё лето в один день

— Готовы?
— Да!
— Унесёшь?
— Скоро!
— А учёные верно знают? Это правда будет сегодня?
— Смотри, смотри, сам увидишь!
Теснясь, точно цветы и сорные травы в саду, дети старались выглянуть наружу: где там запрятано солнце? Лил дождь. Он лил, не переставая, семь лет подряд: тысячи и тысячи дней, с утра до ночи, без передышки дождь лил, шумел, барабанил, звенел хрустальными брызгами, низвергался сплошными потоками... Ливнями повалило тысячи лесов, и тысячи раз они вырастали вновь, и снова падали под тяжестью вод. Так навеки повелось здесь, на Венере, а в классе полно было детей, чьи отцы и матери прилетели застраивать и обживать эту дикую дождливую планету.
— Перестает! Перестает!
— Да, да!
Накануне дети весь день читали в классе про солнце. И писали про него маленькие рассказы и стихи.
Мне кажется, солнце — это цветок.
Цветёт оно только один часок.
Такие стихи сочинила Марго и негромко прочтала их перед притихшим классом. А за окнами лил дождь.
— Ну ты это не сама сочинила! — крикнул один мальчик.
— Нет, сама, — сказала Марго.
— Уильям! — остановила мальчика учительница.
Но то было вчера. А сейчас дождь утихал, и дети теснились к большим окнам с толстыми стёклами.
— Где же учительница?
— Сейчас придёт.
— Скорей бы, а то мы всё пропустим!
Они вертелись на одном месте, точно пёстрая беспокойная карусель.
Марго одна стояла поодаль. Она была сла-

бенькая, и казалось, дождь смыл с неё все краски: голубые глаза, розовые губы, рыжие волосы — всё вылиняло... Сейчас она одиноко стояла в сторонке и смотрела на дождь.
— Ты-то чего смотришь? — сказал Уильям.
Марго молчала.
— Отвечай, когда тебя спрашивают!
Уильям толкнул её. Но она не пошевелилась: покачулась — и только.
Все её сторонятся, даже и не смотрят на неё. Вот и сейчас бросили одну. Потому что она не хочет играть с ними в гудящих туннелях этого города-подвала. Если кто-нибудь осалит её и кинется бежать, она только с недоумением поглядит вслед, но догонять не станет. И когда они всем классом поют песни о том, как хорошо жить на свете и как весело играть в разные игры, она еле шевелит губами. Только когда поют про солнце, про лето, она тоже тихонько подпевает, глядя в заплаканные окна.
Ну а самое большое её преступление, конечно, в том, что она прилетела сюда с Земли всего лишь пять лет назад, и она помнит солнце, помнит, какое оно, солнце, и какое небо она видела в Огайо, когда ей было четыре года. А они — они всю жизнь живут на Венере: когда здесь в последний раз светило солнце, им было только два года, и они давно уже забыли, какое оно, и какого цвета, и как жарко греет. А Марго помнит.
— Оно большое, как медяк, — сказала она однажды и замурчалась.
— Неправда! — закричали ребята.
— Оно — как огонь в очаге, — сказала Марго.
— Врёшь, врешь, ты не помнишь! — кричали ей. Но она помнила.
Говорили, что на будущий год отец с матерью отвезут

её назад на Землю — это обойдётся им во много тысяч долларов, но иначе она, видно, зачахнет. И вот за все эти грехи, большие и малые, в классе её не любили. Противная эта Марго, напротив, что она такая бледная немочка, и такая худющая, и вечно молчит и ждёт чего-то, и, наверно, улетит на Землю...
— Убирайся! — Уильям опять её толкнул. — Чего ты ещё ждёшь?
Тут она впервые обернулась и посмотрела на него. И по глазам было видно, чего она ждёт. Мальчишка взбеленился.
— Нечего тебе здесь торчать! — закричал он. — Не дождётся, ничего не будет!
Марго беззвучно пошевелила губами.
— Ничего не будет! — кричал Уильям. — Это просто для смеха, мы тебя разыграли. — Он обернулся к остальным. — Ведь сегодня ничего не будет, верно?
Все поглядели на него с недоумением, а потом поняли, и засмеялись, и покачали головами.
— Верно, ничего не будет! — Но ведь... — Марго смотрела беспомощно. — Ведь сегодня тот самый день, — прошептала она. — Учёные предсказывали, они говорят, они ведь знают... Солнце...
— Разыграли, разыграли! — сказал Уильям и вдруг схватил её. — Эй, ребята, давайте заперём её в чулан, пока учительницы нет!
— Не надо, — сказала Марго и понялась.
Все кинулись к ней, схватили и поволокли, она отбивалась, потом просила, потом заплакала, но её притащили по туннелю в дальнюю комнату, втолкнули в чулан и заперли дверь на засов. Дверь тряслась: Марго колотила в неё кулаками и кидалась на неё всем те-

лом. Приглушённо доносились крики. Ребята постояли, послушали, а потом улыбулись и пошли прочь — и как раз вовремя: в конце туннеля показалась учительница.
— Готовы, дети? — Она поглядела на часы.
— Да! — отозвались ребята.
— Все здесь?
— Да!
Они столпились у огромной массивной двери. Дождь перестал. Такая настала огромная, неправдоподобная тишина, будто вам заткнули уши или вы совсем оглохли. Дети недоверчиво подносили руки к ушам. Дверь отошла в сторону, и на них пахнуло свежестью мира, замершего в ожидании.
И солнце появилось. Оно пламенело, яркое, как бронза, и оно было очень большое. А небо вокруг сверкало, точно ярко-голубая черепица. И джунгли так и пылали в солнечных лучах, и дети, очнувшись, с криком выбежали в весну.
— Только не убегайте далеко! — крикнула вдогонку учительница. — Помните, у вас всего два часа. Не то вы не успеете укрыться!
Но они уже не слышали, они бегали и запрокидывали голову, и солнце глядело их по щекам, точно тёплым утюгом; они скинули куртки, и солнце ягло их голые руки.
— Это лучшее наших искусственных солнц, верно?
— Ясно, лучше!
Они уже не бегали, а стояли посреди джунглей, что сплошь покрывали Венеру и росли, росли бурно, непрерывно, прямо на глазах. Джунгли были точно стая осьминогов, к небу пучками тянулись гигантские щупальца мясистых ветвей, раскачивались, мгновенно покрывались цветами — ведь весна здесь такая короткая. Они были серые, как

пепел, как резина, — эти заросли, оттого что долгие годы они не видели солнца. Они были цвета камней, и цвета сыра, и цвета чернил, и были здесь растения цвета луны.
Ребята со смехом кидались на сплошную поросль, точно на живой упругий матрац, который вздыхал под ними, и скрипел, и пружинил. Они носились меж деревьев, скользили и падали, толкались, играли в прятки и в салки, но, главное, опять и опять жмурясь, глядели на солнце, пока не потекут слёзы, и тянули руки к золотому сиянию и к невиданной синеве, и вдыхали эту удивительную свежесть, и слушали, слушали тишину, что обнимала их, словно море, блаженно-спокойное, беззвучное и недвижимое. Они на всё смотрели, всем наслаждались. А потом, будто зверьки, вырвавшиеся из глубоких нор, снова неистово бегали кругом, бегали и кричали. Целый час бегали и никак не могли утомиться. И вдруг...
Посреди весёлой беготни одна девочка громко, жалобно закричала. Все остановилось.
Девочка протянула руку ладонью кверху.
— Смотрите, — сказала она и вздрогнула. — Ой, смотрите!
Все медленно подошли поближе.
На раскрытой ладони, по самой середке, лежала большая, круглая дождевая капля.
Девочка посмотрела на неё и заплакала.
Редкие холодные капли упали на нос, на щеки, на губы. Солнце затаило туманный дымок. Подул холодный ветер. Ребята повернулись и пошли к своему дому-подвалу, руки их вяло повисли, они больше не улыбались.
Загремел гром, и дети в испуге, толкая друг дружку, бросились бежать, словно листья, гонимые ураганом.
Минуту они стояли на пороге глубинного убежища, а потом дождь полил вовсю. Тогда дверь закрыли, и все стояли и слушали, как с оглушительным шумом рушатся с неба тонны, потоки воды — без просвета, без конца.
— И так будет опять целых семь лет?
— Да. Семь лет.
И вдруг кто-то вскрикнул: — А Марго? Мы ведь её заперли, она так и сидит в чулане.
Они застыли, будто ноги у них примёрзли к полу. Переглянулись и отвели взгляды. Посмотрели за окно — там лил дождь, лил упрямо, неустанно. Они не смели взглянуть друг другу в глаза. Лица у всех стали серьёзные, бледные. Все потупились, кто разглядывал свои руки, кто уставился в пол.
Наконец одна девочка сказала:
— Ну что же мы?..
Никто не шелохнулся.
— Пойдём... — прошептала девочка.
Под холодный шум дождя они медленно прошли по коридору. Медленно подошли к чулану и стали у двери.
За дверью было тихо.
Медленно, медленно они отодвинули засов и выпустили Марго.
Перевод НОРЫ ГАЛЫ.
Рис. Л. РЯБИНИНА.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!
Сообщаем, что подписка на газету «Пионерская правда» на 1983 год принимается всеми отделениями «Союзпечати» до пятнадцатого ноября 1982 года.
Подписная цена на год — 1 рубль 08 копеек.